

DOI:

**ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX –
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.: ПЕРСОНАЛИИ И ПРИНЦИПЫ
ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ТЕКСТА**

Дзапарова Елизавета Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-1388-0268>; L-dzaparova@mail.ru

В статье впервые предпринята попытка рассмотрения переводческого процесса в осетинской литературе конца XIX – первой трети XX в. В частности, на основе диахронического анализа изучаются основные принципы перевода наиболее ярких представителей межкультурного диалога рассматриваемого периода. При этом автором характеризуются также способы, предложенные переводчиками церковных и фольклорных текстов, ставшие впоследствии базовыми при передаче художественного произведения с русского на осетинский язык. Представленный в работе анализ дает основание выделить следующие принципы, доминирующие в переводческой практике осетинских трансляторов. 1. Дословная передача художественного текста, игнорирующая при этом его эстетическую ценность. К копированию подлинника в начальный период развития художественного перевода обращаются священнослужители, имевшие опыт буквальной передачи религиозной литературы. 2. Адаптация оригинала путем сокращения или расширения содержания, изменения формы произведения с целью достижения прагматического воздействия на реципиента. Текст на осетинском языке характеризуется как вольный (свободный) перевод (перевод-переложение, перевод-подражание), местами удовлетворяющий требованиям оригинального произведения, написанного «по мотивам» переводимого. Адаптированный подход к подлиннику наиболее распространенный в переводческой практике конца XIX – первой трети XX в. 3. Противоположную доместикационную форенизирующую стратегию формируют переводчики с установкой на исходную культуру, воспроизведение особенностей оригинала. Несмотря на сложность восприятия читателем выходного текста, объяснимую некоторыми межкультурными различиями (например, механический перенос слов-реалий без поясняющего контекста), переводчики стремятся показать отраженную автором в подлиннике

чужую действительность. Исследование призвано восполнить тот пробел, который существует в осетинском литературоведении в отношении путей становления и развития художественного перевода.

Ключевые слова: осетинская литература, переводческий процесс, эстетические системы, принципы перевода, буквальный перевод, адаптация, адекватный перевод.

Для цитирования: Дзапарова Е.Б. Из истории художественного перевода в осетинской литературе конца XIX – первой трети XX в.: персоналии и принципы воспроизведения текста // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 24 (31). С.43-56. DOI:

Введение

Художественный перевод как особый вид творческой деятельности влияет на становление и развитие национальной литературы, способствуя укреплению межкультурных связей, обогащению ее жанровой системы, идейно-тематических исканий писателей и проч. История развития художественного перевода в осетинской литературе имеет свою периодизацию, учитывающую смену литературных направлений и господствующих переводческих принципов. Установлению основных переводческих стратегий и принципов в осетинской литературе конца XIX – первой трети XX в. посвящено настоящее исследование. В статье впервые на основе диахронического анализа делается попытка рассмотрения этапов развития переводческой мысли, начиная с переводов церковных и фольклорных текстов до произведений литературы. На материале переводческой деятельности наиболее ярких представителей межлитературного диалога конца XIX – 30-х гг. XX в. рассматриваются способы отражения художественной действительности подлинника: от буквально-го копирования до создания на переводящем языке эстетически равноценного текста.

Основная часть

Объективными предпосылками для зарождения в осетинской литературе художественного перевода стали переводы богослужебных и фольклорных текстов. Для воспроизведения первоисточника переводчиками применялись различные стратегии, позволяющие в большей или меньшей степени отразить его содержание и форму. При переводе религиозной литературы на осетинский язык с церковнославянского, грузинского, русского языков строгий канон оригинала требовал скрупулезности при отражении каждой его детали, поэтому особое внимание уделялось точности перевода («Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» (пер. Гая (Г. Такаова/Токаова), П. Генцаурова, 1798); пер. И.Г. Габараева-Ялгузидзе, Иосифа (И.И. Чепиговского), А. Колиева, М. Сухиева, В. Цораева, С. Жускаева и мн. др.). Однако при переводе религиозной литературы складывается и другая тенденция: переводчики проявляют по отношению к первоисточнику боль-

шую свободу, стремятся адаптировать содержание и форму (см. русские церковные песнопения в переложении А. Колиева [1, 67]).

Для фольклорных текстов характерна вариативность в применении переводческих принципов. С середины XIX в. в переводе на русский язык издаются загадки, песни, таураги, сказки, нартровский эпос и др. произведения устного народного творчества осетин. Воспроизведение подлинника, с одной стороны, осуществлялось с помощью пословного изложения исходной информации с пояснением национально-культурного компонента в основе безэквивалентной лексики (см. «Осетинские тексты» (1868) в пер. В. Цораева, Д. Чонкадзе и изданные А. Шифнером; пер. Дж. Шанаева, Вс. Миллера). Встречается и достаточно свободное толкование оригинала, его различные переработки, в частности адаптация и контаминация – объединение нескольких разрозненных эпизодов или сюжетов в единый цельный текст (см. пер. В. Пфафа, А. Кайтмазова нартовских сказаний).

Возникновение в осетинской литературе художественного перевода связано с именем *Коста Левановича Хетагурова*. Становление Хетагурова-переводчика осуществлялось под влиянием русской переводческой традиции XIX в., ориентированной на принцип национального перепостижения художественной действительности оригинала, на его новую трактовку (см. пер. В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др.). При подобном подходе к межъязыковому процессу переводное произведение перестает восприниматься как явление исходной культуры, а «как полноправное произведение родной литературы, принадлежащее переводчику и только тематически “подсказанное” иноязычным оригиналом» [2, 9]. Адаптивная концепция перевода применялась К. Хетагуровым при переложении басен и стихотворений «Ворона и лисица», «Волк и журавль», «Гуси» (из И. Крылова), «Петушок» (текст русской народной песни), «Пойманная птичка» (стих-е А.А. Пчельниковой), «Летний дождь» (А.Н. Майкова), «Два ворона» (А.С. Пушкина)¹. Приближение исходного текста к принимающей культуре выражалось в обогащении произведения новыми мотивами, образами; менялись и внешние атрибуты стиха (строфика, рифмовка, метрическая схема). Так, при переводе стихотворения «Два ворона» К. Хетагуровым учтены лишь первые две строфы:

*Халон халонмæ тæхы,
Халон халонæн зæгъы:
– Халон! Цæй-ма, ныр цы хæрæм?
Сихорæн амал цы скæнæм?*

*Дзуры йæм фæстæмæ халон:
– Сихор нын цæттæ у абон, –
Терчы былыл нын, хъæугæрон,
Ауыгъдæй лæууы мæхъæлон... [3, 222]*

Национально-культурной трансформации подверглись и последние строки второго катрена. Безусловно, при таком подходе к переводимому тексту творческая личность переводчика проявляется ярче личности автора. Речь идет о создании «нового оригинала» в принимающей культурной среде. Ха-

рактизуя переводческий метод К. Хетагурова, С.З. Габисова подчеркивает большую самостоятельность, проявленную осетинским поэтом при переводе строк А. Пушкина: «Перевод до того оригинален, что его можно считать совершенно независимым от пушкинского текста. Коста изменил последние две строки второй строфы и придал тем самым стихотворению национальный колорит» [4].

Художественные переводы К. Хетагурова заложили прочную основу для его последователей и в этом виде литературной деятельности.

Начало XX в. ознаменовалось интересом к переводам русской и зарубежной литературы на осетинский язык. Переводчики преимущественно отдавали предпочтения малым жанрам. Прозаический перевод преобладал над поэтическим и драматическим. Значительная часть материала на страницах первых газет и журналов составляла переводная литература, главным образом русская классика. Печаталась она и отдельными изданиями.

Одним из зачинателей художественного перевода в осетинской литературе в начале XX в. был *Стефан (Аха) Борисович Мамитов* – педагог, прозаик, драматург и публицист. С. Мамитов известен как переводчик богослужебных книг («Хуыцауы дыныл ахуыргæнæн чиныг»), произведений русских писателей на осетинский язык. Часть переводной литературы вошла и в «Книгу для детей» (в 2 ч.), изданную просветителем в 1908 г. в Батуми. Как отмечает Л.К. Гостиева, материалом для учебника послужили, помимо разнообразных жанров устного народного творчества и оригинальных произведений осетинских авторов, дословно переведенные тексты из русских учебников [5, 374]. Принцип текстуальной передачи подлинника использован С. Мамитовым и при переводе стихотворения в прозе М. Горького «Песня о Соколе» (подробнее см. [6]). Наиболее ранний из всех известных осетиноязычных переводов произведений русского писателя опубликован в 1909 г. в №№ 8-9 газеты «Хабар». Текст М. Горького в переводе подвергается сокращению: опускаются вступление и финальные строки «Песни...», где автором даны образы повествователя и героя-рассказчика. Но и пословная передача центральной части стихотворения, наделенной особым ритмом и патетикой, лишила текст на осетинском языке, как кажется, художественно-эстетической равноценности. Произведение М. Горького читается как повествовательная проза, потеряв и присущий оригиналу динамизм, эмоциональность. Однако строгое следование букве подлинника не помогло С. Мамитову, как представляется, избежать переводческих ошибок. Дословный перевод фраз, например, «в кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце» – «къухдарæнгонд æрбатыхта йæхи, уæлæмæ фехста æмæ быды хуызæн хурмæ ферттыфта»; «...но нет там пищи и нет опоры живому телу» – «...фæлæ дзы нæй хæринаг æмæ удæгас буар цæуыл фенцой кæна, уый нæй!» отдаляет текст С. Мамитова от подлинника, прежде всего, в прагматической адекватности. Неразрешимой проблемой для С. Мамитова стал перевод крылатых выражений, непосредственно связанных с аллегорическими образами Сокола и Ужа. М. Горький в образе гордого Сокола воплотил свой идеал человека – революционера, борца, готового принять смерть за свободу, за свои стремления и убеждения. Знаменитая строка-гимн «Безумству храбрых поем мы песню!..» в переводе,

как нам кажется, немного искажена – «*Æрра хъæбатыртæн зарæм мах нæ зарæг*» (букв. с осет. 'Безумным храбрецам поем мы свою песню'). С. Мамитов не совсем верно передает семантику слова «безумства», символизирующего революционное дерзание и смелость, и в целом эпичность фразы. Свою афористическую форму утратило знаменитое горьковское выражение «*Рожденный ползать – летать не может*» – «*Хилагæй гуырдагн тæхын йæ бон нæу*» ('Тот, кто рожден ползущим, летать не может'). Здесь транслема, как видим, не сохранила не только свою краткость и четкость, не прослеживаются в переводе и черты стиля русского писателя.

К прагматической адаптации исходного текста в начальный период своей переводческой деятельности прибегал Цоцко Бицоевич (*Увар Васильевич*) Амбалов – значимая фигура в осетинской культуре последней четверти XIX – первой трети XX в. При переводе сказки М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб», драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» (первоначальный прозаический вариант)² старался приблизить текст к осетинской художественной действительности. Для этого переводчик заменял этнокультурные маркеры языка оригинала осетинскими аналогами: «*Хадериуаз*» – «*Уастырдж*», «*ана (мать)*» – «*нана*», «*Маулям (создатель)*» – «*нæ кæнæг Хуыцау*» («Ашик-Кериб») или, например, дополнял благопожеланиями, поговорками: «...*кæд фырт нæй, уæд фыд йæ бæсты – Сосейы бæсты Мосе*», «*Фарн уеппæтæн!*», «...*мæгуыры зæрдæ фынтæй дзæбæх*», «*Фыдæлтæй æмбисонд баззад: хох – дзуарджын, быдыр – æддарджын*» и т.д. («Вильгельм Телль»). Противоположная стратегия реализуется Ц. Амбаловым при переводе повести А.С. Пушкина «Метель», рассказов В.Г. Короленко «Сон Макара», «Тени». Переводчик старается сохранить инокультурный компонент исходного текста механическим переносом слов-реалий без поясняющего контекста: «*тарбаса*», «*сон*» (шуба), «*капот*» (платье), «*гран-пасьянс*», «*налой*», «*демос*», «*гелиасты*» и проч.

К переводу произведений русских писателей в начале XX в. обращался и видный представитель осетинской поэтической мысли *Георгий Гадоевич Малиев*. В 1914 г. отдельной брошюрой им опубликован рассказ В.Г. Короленко «Приемыш» – «Енцег» на дигорском диалекте осетинского языка. При переводе Г. Малиев сочетал наработанные к этому периоду принципы. Текст подвергается сокращению: переводчиком опускается экспозиция, перестроен и финал. Сходство со стилем русского писателя прослеживается в центральной части рассказа, где повествуется об истории появления в семье хозяйки Дарьи дочери-приемыша Марьи. В переводческой деятельности Г. Малиева формируется тенденция точно передать смысл оригинала, запечатленный в нем художественный мир автора. Переводчик не стал адаптировать оригинальный колорит подлинника, отражающий быт средней полосы России, и сохраняет присущую ему чуждость в принимающей культуре. Тут вполне актуальны слова известного теоретика перевода И.А. Кашкина, считающего, что «художественный перевод должен показать читателю чужую действительность и ее «чужеземность», донести до него стилистическое своеобразие подлинника, сохранить текст в «его народной одежде» [7, 457], а не делать его своим. Переводческий труд Г. Малиева демонстрирует отказ от соперничества с автором и навязывания ему своей творческой воли, установку на

отражение особенностей повествовательной манеры писателя, восходящей, по мнению специалистов, к соединению очеркового начала с романтизацией действительности [8, 97]; сохранение индивидуальной поэтики рассказов В. Короленко, которой присущи излишняя метафоричность, речевая портретизация персонажей, сложность композиции.

Художественный перевод в начале XX в. стал сферой заимствования в осетинской литературе мотивов европейской поэзии, эстетики русского символизма. Воздействие романтического, гражданского пафоса поэзии Г. Гейне, Л. Уланда, Ш. Петефи проецируется в переводческом наследии *Алихана Ину-совича Токаева*. Переводил осетинский поэт и стихотворения основоположников русского символизма В. Брюсова, К. Бальмонта, чьи идеи оказали влияние и на оригинальное его творчество.

В небольшом по объему переводческом наследии А. Токаева можно проследить сосуществование диаметрально противоположных подходов к исходному тексту. Переводы осетинского поэта – это в основном собственные вариации по мотивам оригинала. Взяв за основу иноязычное произведение (в случае с зарубежной литературой через язык-посредник), Токаев придавал ему ярко выраженный национальный колорит. В стихотворении Г. Гейне³ «Бегство» – «Лыгъд» это изменение пространственно-временного континуума, усложнение строфической организации. При переложении стихотворения⁴ «Добрый совет» – «Уынаффæ» одноименного автора А. Токаев полностью переосмысливает оригинал, взяв за основу идейную концепцию автора⁵. Подобный принцип творческой адаптации оригинала применим и при переводе революционно-патриотического стихотворения Ш. Петефи «Национальная песня» – «Хæстон зарæг». Еще одну переводческую стратегию реализует осетинский поэт при переводе стихотворения К. Бальмонта «За грибами» – «Зокъомæ». А. Токаев опускает центральную часть оригинального текста – описание пробуждения старого леса с приходом грибников – и отражает первую и последние две строфы. Адекватное решение авторской прагматической задачи поэт находит при переводе небольшого стихотворения Л. Уланда «Весеннее успокоение» – «Уалдзæджы æнцойдзинад», выполненного с русскоязычного варианта Ф.Ф. Тютчева. Стихотворение В. Брюсова «Каменщик» в переводе А. Токаева «Дургæнæг» [9, 115] сохраняет диалоговую форму прохожего и каменщика, анафорическую строфу, размер (смену четырехстопного дактиля трехстопным), перекрестную рифмовку (чередование дактилической и мужской клаузул), символический подтекст (нарастание народного недовольства), заложенный автором в основу иносказательный смысл.

В целом в переводческой практике А. Токаева доминируют два принципа воспроизведения иноязычного текста, сформировавшиеся в осетинской переводческой традиции уже к началу XX в.: творческое переосмысление оригинала, ориентировка на культуру-реципиент и сохранение внешних и внутренних атрибутов стихотворения, коммуникация с культурой-донором.

Доместикационную стратегию в 1920–1930-х гг. формируют *Гагудз (Михаил) Кавдинович (Николаевич) Гуриев* и *Бабу (Магомед) Касаевич Зангиев*, заявившие о себе переводами русской и зарубежной литературы. В период становления и начального этапа развития осетинской литературы переводы восполняли

нехватку художественных произведений на родном языке и использовались в образовательном процессе. Наряду с оригинальной осетиноязычной художественной литературой включались в учебники по развитию речи и обучению детей родному языку. Так, значительную часть учебника Г. Гуриева «Начальная книга» (1924) составляют переводы басен, сказок, притч Эзопа, И. Дмитриева, К. Ушинского, Л. Толстого и др. При этом сами авторы оригинальных текстов не упоминаются, поскольку в учебнике не указано, что представленные басни являются переводными. Подобное решение вполне объясняется переводческой тактикой Г. Гуриева, адаптировавшего тексты под новую художественную действительность. С этой целью переводчик заменял в произведениях персонажей (см. «Уж и еж» («Хоргалм»), «Журавль и аист» («Хърихъупп æмæ кæсаглас»), «Муравей и голубка» («Мыдыбындз æмæ бæлон»), «Зайцы и лягушки» («Тæрхъус») Л. Толстого⁶), переписывал сюжет, расширяя («Ворон и сорока» («Халон æмæ дзæгъындзæг») К. Ушинского, «Ягнята и волк» («Уæрыччытæ») Л. Толстого) или сокращая («Два козла» («Дыууæ сæныччы») Эзопа, «Слепой и светильник» («Куырм лæг») А. Джамии) исходную информацию. Значительной переработке подвергнут текст басни И. Дмитриева «Нищий и собака» в переводе Г. Гуриева:

*Большой боярский двор
Собака стерегла.
Увидя старика, входящего с сумою,
Собака лаять начала.
«Умилосердись надо мною! –
С боязнью, пошептом бедняк ее молил, –
Я сутки уж не ел... от глада умираю!»
– «Затем-то я и лаю, –
Собака говорит, – чтоб ты накормлен был».
Наружность иногда обманчива бывает:
Иной как зверь, а добр; тот ласков, а кусает [10, 79].*

Перевод:

«Иу хæдзары дуармæ æрбацыд мæгуыргур æд хызын. Куыдз рагæпп ласта хæдзарæй æмæ йыл рæйын байдыдта. Мæгуыр фæтарст йæхицæн æмæ дзуры куыдзмæ: «Къæбыла, цæмæн мыл рæйыс, æз курын æрмæст иу чысыл хæринаг, ныр дыууæ боны дæн æххормаг». Куыдз æм дзуры фæстæмæ: «ма тæрс, æз дæр дæу тыххæй рæйын, кæд æппын рауайккой мæ рæйынмæ æмæ дын радтиккой хæринаг» [11, ч. 2, 11]. Тексты отличаются как внутренней организацией – поэтическая структура подлинника передана в прозаической форме, так и модификацией смысла, нивелировкой назидательной части, модернизирован в переводе и язык произведения. При подобном парафрастическом подходе к переводу указание имени автора текста было неактуально. Первоосновой для Г. Гуриева было не столько ознакомление читателя с иноязычным художественным наследием, сколько обогащение своей культуры за счет произведений русской и зарубежной литературы. Переводы становились частью дидактического материала для учебников. Поэтому принцип творческого переосмысления и адаптации чужих текстов к осетинской культурной среде был доминирующим в переводческом деле Г. Гуриева.

Интерес к произведениям русских и зарубежных писателей в художественном переводе проявлял и прекрасный знаток осетинского языка, педагог и общественный деятель *Бабу Касаевич Зангиев*. Заметно обогатилась осетинская литература 1920–1930-х гг. переводами произведений Л. Толстого «Казачьи», «Хаджи-Мурат», «Кавказский пленник», А. Неверова «Ташкент – город хлебный», М. Горького «Челкаш» и «9-е января», Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» и др.⁷ Переводческий метод Б. Зангиева близок к адаптивному. Некоторые теоретические аспекты этого творческого процесса изложены им в статье «*Тæлмац кæныны тыххæй*» [12]. Переводческие искания Б. Зангиева в статье сосредоточены на противоречивых подходах к подлиннику – дословно точно или доступно вольно. Б. Зангиев отстаивает свободу переводчика как ключевой принцип в процессе перевода. Тенденция к вольному переводу оправдывается им легкостью восприятия текста реципиентом, стремлением продемонстрировать стиль писателя (последнее утверждение, на наш взгляд, спорно). «Переводчик не фотограф, а пособник автора, его помощник» [12, 3], – утверждает Бабу Касаевич. Он должен вжиться в образ автора и передать основную мысль так, как будто произведение изначально написано на осетинском языке. В противном случае, по мысли Б. Зангиева, произведение не дойдет до ума и сердца осетинского читателя, получится «сухим», а образы автора не такими красивыми, полными, живыми [12, 3]. Изложенные в статье положения характерны и для переводческой манеры Зангиева. Отличительной чертой его переводов является изменение идиостиля автора, определенная насыщенность культурно-маркированной лексикой – осетинскими идиомами, пословицами и поговорками, сравнениями, построенными на основе национальных образов. Примеры из рассказа «Челкаш»: «*Цардæй къæртт аппарин, æвæдза!*», «*...уæд дæ хъул сах абадт*», «*Дæ зæрдæ кæимæ дзуры, ахæм Машкæ дын ис?*», «*Чызджытæ дыл, хæрзаг, хæлæф кодтаиккой. Мыд кæм уа, бындз дæр уым вæййы*», «*...Афтид голлаг хъил нæ лæууы. Ды уал ам абад, æз та кæдæмдæрты азгъордзынæн*», «*Фæлæ æз зонын, цард тæбæгъы донæй, кæнæ къамæй хъазтæй уæлдай нæу, æмæ кæуыл не 'рцæудзæн ахæм хъуыддаг*», «*Мигътæ лæстысты сындæггай... Сæ сабыр лæсгæ цыдæй зæрдæ мæгуыр кодта æмæ, цыма куырысдзуаны хуызæн, цыдæр æвзæр, фыдбылыз хабар хастой семæ*»; «*...гæды фиумæ куыд кæса, уый каст кодта...*» и проч. Б. Зангиевым используются словесные конструкции, смысловое поле которых понятно только носителям переводящего языка, так как обладают специфическими чертами национальной ментальности. К ним относятся æлгъыстытæ (осетинские проклятия): «*Челкаш дарæг дæ ма уæд!*», «*ард йæ хæдзары бацæуа!*», «*дæ фæнычы ныффу кæнай*», «*дæ быны къускыл баззайай*», «*хъыпы дæ хурхы!*». Изменения в текст вносились для облегчения его восприятия в принимающей культурной среде.

В переводе преобразованию могла подвергаться событийная канва повествования. Так, в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат» переводчик меняет ситуацию, идущую вразрез с принятыми у кавказских народов этическими нормами. В сцене пребывания Хаджи-Мурата в чеченском ауле Махкет у старика Садо сын хозяина вошел в саклю и сел у двери перед гостями. Однако по обычаю юноша не мог сидеть возле старших, поэтому Б. Зангиев дает свое ви-

денье описанного автором фрагмента – юноша встал у двери. Предлагаемая переводчиком трактовка данной ситуации мотивирована прагматическими установками, достижением нужного коммуникативного эффекта на реципиента. Переводческая стратегия Б. Зангиева была обусловлена общими целями, стоявшими перед осетинской переводной литературой того времени: заимствование художественных образов и сюжетов, расширение кругозора читателей, освоение новых жанровых форм, в данном случае повествовательных.

Существенно обогатил область художественного перевода в рассматриваемый период и *Харламбий Дмитриевич Цомаев*. Однако эта сфера многосторонней деятельности просветителя оставалась долгое время неизвестной по причине того, что он был репрессирован (см. подробнее [13]).

Переводил Х. Цомаев церковную, художественную и другого характера литературу (научную, колхозную). Однако большинство выполненных просветителем переводов было изъято и уничтожено во время обысков в 1937 г. Дошедшее до нас переводческое наследие представлено рассказом А. Цаликова «В абреки», стихотворением в прозе М. Горького «Песня о Буревестнике», романом М. Лермонтова «Герой нашего времени». По текстам прослеживается и вариативность применимых принципов, смену взглядов на перевод, учитывающих, безусловно, накопленный в осетинской литературе к этому периоду опыт. Примером субъективного восприятия оригинала может послужить, как кажется, перевод рассказа А. Цаликова «В абреки», опубликованный в 1915 г. в журнале «Христианская жизнь»⁸. Свобода обращения с оригиналом выражается в замене названия («В абреки» → «Христос Воскрес. Из жизни горцев»), имени одного из главных героев (Буцка → Дзибка), по-иному трактуется и развязка рассказа. Трагический финал в интерпретации Х. Цомаева звучит оптимистично. У А. Цаликова ссора двух друзей привела к убийству. Перевод заканчивается тем, что два товарища, в пылу ярости услышав доносимые из села благословенные поздравления людей в честь Пасхи, осознали свою ошибку, прекратили вражду. Следует отметить, что перевод заметно объемнее оригинала: Х. Цомаев расширяет коммуникативную ценность первичного текста за счет уточнения отдельных мест действия. Подобная переводческая трансформация связана с религиозно-проповедническими взглядами Х. Цомаева-священника и духовно-просветительскими задачами, реализуемыми печатным органом⁹, в котором и был опубликован рассказ.

В переводе «Песни о Буревестнике» М. Горького¹⁰ реализуется принцип буквальной точности, что в результате повлияло на сохранение ритмики, динамичности стихотворения. Прозаичное изложение текста на осетинском языке снижает революционную патетику оригинала, боевой дух горьковского текста и трагизм повествования в целом. В качестве примера можно привести знаменитую «В этом крике – жажда бури!» – «Уыцы хъæр у уадмондаг хъæр» («Этот крик – жаждущий бури крик»). В переводе, как легко заметить, предвкушение битвы, борьбы звучит менее торжественно и величаво. Для адекватного отражения исходной фразы Х. Цомаеву необходимо было внести большую напряженность. Для сравнения приведем перевод аналогичной строки у Я. Хозиева: «Уыцы хъæры – уады мондаг!» («В этом крике – жажда

бури»). Переводчик сумел передать не только точное содержание горьковской мысли, ритмику оригинала, но и отразить синтаксис «Песни...». Важность сохранения экспрессивности, эмоциональной насыщенности произведения осознавали и литературоведы: «Трудность адекватного прочтения “Песни...” была связана с необходимостью передачи той взрывчатой силы, того накала страстей, того революционного пафоса, который в первую очередь определяет ценность горьковского произведения» [14, 602]. Пословное воспроизведение подлинника диктуется переводческими установками Х. Цомаева, еще недавно переводившего «слово в слово» церковную литературу.

В историю осетинской переводной литературы Х. Цомаев вошел в первую очередь благодаря воссозданию на родном языке романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Первый и пока единственный перевод произведения великого классика осуществлен в 1936 г. Однако роман, несколько раз переиздававшийся на осетинском языке, после 1937 г. выходил без имени переводчика. И только после реабилитации Х. Цомаева в 1955 г. публиковался с указанием автора перевода. В тексте на осетинском языке совершенно очевидно стремление Х. Цомаева объективно воспроизвести в новой языковой среде образы действующих лиц (их многоракурсный характер), пейзажные зарисовки, сюжетно-композиционную инверсию, авторские интенции (даже там, где они идут вразрез с этическими представлениями переводчика), национальный колорит (слова-реалии, фразеологизмы, пословицы/поговорки), особенности лексико-стилистического строя подлинника. Переводя Лермонтова, Цомаев старался найти функциональные соответствия идиостилю автора, избегая излишней адаптации. Перевод расходится с оригиналом отсутствием предисловия – структурной части романа, в которой М. Лермонтовым дается объяснение основного замысла.

Заключение

Анализ переводческого процесса в осетинской литературе конца XIX – первой трети XX в. позволяет сделать определенные выводы.

1. На ранних этапах становления осетинской художественной словесности перевод обогащал ее новыми идеями, жанровыми формами. Через перевод осуществлялось заимствование эстетических систем, в частности, переводчики привносили в осетинскую литературу идеи европейского романтизма и русского символизма.

2. За неимением достаточного количества оригинальных произведений на родном языке переводные тексты использовались в образовательной среде. Художественный перевод выполнял и познавательную функцию – расширял кругозор читателей, давал новые знания о культуре других народов.

3. В переводческой практике известных представителей двуязычной коммуникации проявляются следующие основные принципы: а) дословное отражение оригинала, игнорирующее при этом его художественную ценность; б) адаптация – стилистическое переосмысление исходного текста; содержательно-формальные категории подчинены принимающей литературной традиции; в) адекватный перевод, сохраняющий авторские интенции. Несмотря на широкое распространение адаптивной стратегии, в трудах некоторых пе-

реводчиков выявляется тенденция к совершенствованию вышеизложенных принципов: от буквального и вольного воспроизведения оригинала до адекватного.

Примечания:

1. «Два ворона» А.С. Пушкина – это адаптированный вариант шотландской народной песни.
2. Драма Ф. Шиллера переводилась Ц. Амбаловым дважды. Первоначально перевод на осетинский язык сделан с русскоязычного перевода Ф.Б. Миллера. После изучения немецкого языка Ц. Амбалов обратился уже к самому оригиналу, улучшил качество переводного текста и внес необходимые изменения.
3. Переводы-переложения из Г. Гейне А. Токаевым сделаны, по всей вероятности, с русских переводов П.И. Вейнберга.
4. Произведению характерны признаки басенного жанра.
5. Вышеназванные произведения в поэтических сборниках А. Токаева причисляются к его оригинальному творчеству.
6. Л.Н. Толстой сам прибегал к русскоязычной адаптации произведений писателей-баснописцев.
7. Предположительно, Б. Зангиев также перевел «Сказки об Италии» и «Мать» М. Горького, но они были изъяты и уничтожены во время его ареста в годы репрессии.
8. Оригинал напечатан в журнале «Копейка» (1912 г., № 13-141).
9. В то время Х. Цомаев был редактором журнала «Христианская жизнь».
10. Перевод был выполнен к 60-летию М. Горького. Впервые напечатан в газете «Рæстдзинад» в 1928 г. от 31 марта.

-
1. Джусойты Н. История осетинской литературы [Ирон литературæйы истори]. Цхинвал: Республика, 2016. 616 с. (на осет. яз.).
 2. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 299 с.
 3. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений. В 5 т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 1999. Т. 1. 486 с.
 4. Габисова С.З. А.С. Пушкин и К.Л. Хетагуров: [электронный ресурс]. URL: <http://www.ossethnos.ru/philology...aspushkin...klhetagurov.html>.
 5. Гостиева Л.К. Православие в Осетии: очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН, 2014. 557 с.
 6. Дзапарова Е.Б. Протоиерей С. Мамитов – переводчик «Песни о Соколе» М. Горького // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 12 (51). С. 68–72.
 7. Кашкин И.А. Для читателя-современника: статьи и исследования. М.: Советский писатель, 1977. 558 с.

8. Покатилова Н.В. Поэтика рассказов В. Короленко // Вестник ЯГУ. 2006. Т. 3. №3. С. 96–99.
9. Токаев А. Произведения [Уацмыстæ]. Владикавказ: Ир, 2004. 303 с. (на осет. яз.).
10. Дмитриев И.И. Басни. М.: ООО «ДА! Медиа», 2015. 298 с.
11. Гуриев Г. Начальная книга. В 2-х ч. [Райдайæн чиныг. Дыууæ хайон]. Дзауджикау, 1924 (на осет. яз.).
12. Зангиев Б. О переводческой деятельности [Тæлмац кæныны тыххæй] // Рæстдзинад [Правда]. 1934. №138. 21 июня (на осет. яз.).
13. Дзапарова Е.Б. Харлампий Цомаев и православная культура Осетии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 171 с.
14. Алексанян Е.А. Песнь о Буревестнике // Горький и литература народов Советского Союза. Ереван: Ереванский государственный университет, 1970. С. 602–618.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025,
принята к публикации 22.10.2025,
опубликована 25.12.2025.

Dzaparova, Elizaveta B. – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Ossetian Literature and Folklore, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-1388-0268>; L-dzaparova@mail.ru

FROM THE HISTORY OF LITERARY TRANSLATION IN OSSETIAN LITERATURE OF THE LATE XIXth – FIRST THIRD OF THE XXth CENTURY: CHARACTERS AND PRINCIPLES OF TEXT REPRODUCTION.

Keywords: *Ossetian literature, translation process, aesthetic systems, translation principles, literal translation, adaptation, adequate translation.*

This article is the first attempt to examine the translation process in Ossetian literature from the late XIXth to the first third of the XXth century. In particular, using a diachronic analysis, the author examines the basic principles of translating the most prominent representatives of intercultural dialogue during the reviewed period. The author also characterizes the methods proposed by translators of church and folklore texts, which subsequently became the basis for transferring literary works from Russian into Ossetian. The analysis presented in the work provides grounds for identifying the following principles dominating the translation practice of Ossetian translators. 1. Literal transfer of the literary text, ignoring its aesthetic value. In the initial period of literary translation, clergymen with experience in literal translation of religious literature tended to copying the original. 2. Adaptation of the original by shortening or expanding the content, changing the form of the work in order to achieve a pragmatic impact on the recipient. The Ossetian text is characterized as a free (uninhibited) translation (translation-paraphrase, translation-imitation), in places satisfying the requirements of the original work, written «based on» the translated text.

An adapted approach to the original was most common in translation practice from the late XIXth to the first third of the XXth century. 3. A foreignizing strategy, opposed to domestication, is adopted by translators who focus on the source culture and reproduce the characteristics of the original. Despite the reader's difficulty in perceiving the translated text, which can be explained by certain intercultural differences (for example, the mechanical transfer of realia words without explanatory context), translators strive to convey the foreign reality reflected by the author in the original. This study aims to fill the gap that exists in Ossetian literary studies regarding the development and evolution of literary translation.

For citation: Dzaparova, E.B. *From the History of Literary Translation in Ossetian Literature of the Late XIXth – First Third of the XXth Century: Characters and Principles of Text Reproduction*. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 24 (31), pp. 43-56 (In Russian). DOI:

REFERENCES

1. Dzhusoity, N.G. *Istoriya osetinskoi literatury* [History of Ossetian literature]. Tskhinval, Respublika, 2016. 616 p. (in Ossetian).
2. Levin, Yu.D. *Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the XIXth century and the development of literary translation]. Leningrad, Nauka, 1985. 299 p.
3. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii. V 5 t.* [Complete Works. In 5 volumes]. Vladikavkaz, Respublikanskoe izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 1999, vol. 1. 486 p.
4. Gabisova, S.Z. A.S. *Pushkin i K.L. Khetagurov* [A.S. Pushkin and K.L. Khetagurov] [Electronic resource]. URL: <http://www.ossethnos.ru/philology...aspushkin...klhetagurov.html>.
5. Gostieva, L.K. *Pravoslavie v Osetii: ocherki o pravoslavnom dukhovenstve vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Orthodoxy in Ossetia: essays on the Orthodox clergy of the second half of the XIXth – early XXth centuries]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014. 557 p.
6. Dzaparova, E.B. *Protoierei S. Mamitov – perevodchik «Pesni o Sokole» M. Gor'kogo* [Archpriest S. Mamitov – translator of "Song of the Falcon" by M. Gorky]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2014, iss. 12 (51), pp. 68–72.
7. Kashkin, I.A. *Dlya chitatelya-sovremennika: stat'i i issledovaniya* [For the contemporary reader: articles and studies]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1977. 558 p.
8. Pokatilova, N.V. *Poehtika rasskazov V. Korolenko* [Poetics of stories by V. Korolenko]. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yakutsk State University]. 2006, vol. 3, no. 3, pp. 96–99.
9. Tokaev, A. *Proizvedeniya* [Works]. Vladikavkaz, Ir, 2004. 303 p. (in Ossetian).
10. Dmitriev, I.I. *Basni* [Fables]. Moscow, OOO «DA! MediA», 2015. 298 p.
11. Guriev, G. *Nachal'naya kniga. V 2-kh ch.* [Primary book. In 2 parts]. Dzaudzhikau, 1924 (in Ossetian).

12. Zangiev, B. *O perevodcheskoi deyatel'nosti* [On translation activity]. *Pravda* [Truth]. 1934, no. 138. June 21. (in Ossetian).
13. Dzaparova, E.B. *Kharlampii Tsomaev i pravoslavnyaya kul'tura Osetii* [Kharlampiy Tsomaev and the Orthodox culture of Ossetia]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 171 p.
14. Aleksanyan, E.A. *Pesn' o Burevestnike* [Song of the Petrel]. *Gor'kii i literatura narodov Sovetskogo Soyuza* [Gorky and the Literature of the Peoples of the Soviet Union]. Erevan, Yerevan State University, 1970, pp. 602–618.

The article was submitted 31.07.2025,
accepted for publication on 22.10.2025,
published 25.12.2025